

АГОНИСТИКА В ТВОРЧЕСТВЕ ГОРАЦИЯ

В одной из сатир Горация, известной под названием «Путешествие в Брундизий», описывается сценка, разыгранная Мессием Кикирром и Сарментом (1,5,51—69). Исполненная в духе народной ателланы, она представляет собой перебранку двух шутов, раба и вольноотпущенника. Сармент высмеивает уродство Мессия, делающее его похожим на циклопа Полифема, Мессий — рабское положение Сармента, хотя и отпущенного на волю проскрибированным хозяином, все еще остающегося в подчинении у его вдовы. Эта сцена напоминает комическое состязание эпических героев. Такой эффект, надо полагать, входил в замысел самого поэта, о чем говорят стихи, открывающие словесную перепалку указанных персонажей Горация: *Nunc mihi raucis... Musa, velim memores (vers.51—53)*. Эти стихи пародируют традиционный эпический зачин: «Муза, поведай о том...»¹ Лексика и композиция отрывка имеют своей целью вызвать у слушателей и читателей сатиры по меньшей мере улыбку.

Эпизод в пятой сатире — шутовское пародирование героического агона перед битвой — разрастается у Горация в целую сатиру 1,7. В ней изображена тяжба между Публием Рупилием, прозванным Царем, и купцом из Клазомены Персием, греком по материнской линии. Судебное разбирательство, которое происходило в 43-м или 42-м году в Малой Азии, когда там находился Гораций, является лишь поводом для написания сатиры. По мнению исследователей, поэт хотел провести в ней сравнение между литературными достижениями Греции и Рима и одновременно дать пародию на Гомера.² Не случайно тяжущиеся комически сопоставляются Горацием с героями «Илиады» — Ахиллом и Гектором (книга 22), Диомедом и Главком (книга 6).

Публичное поношение соперника мы находим уже в первой книге «Илиады» (стихи 149 и сл.). Самый настоящий агон представляет собой сцена ссоры нищего Ира с Одиссеем,

завершающейся кулачной схваткой («Одиссея», 18,40 и сл.). В греческой литературе часто встречаются агоны между мифическими персонажами, которые являются отражением реальной практики мусических состязаний трагических и комических поэтов на театральных представлениях в Афинах. Агон рано проник в самые разные жанры греческой литературы, прежде всего в комедию.³

На связь римской сатиры с древней комедией греков указывает сам Гораций («Сатиры», 1,4,1—6) и, насколько мы можем судить, использует опыт греческих комиков в своей сатирической поэзии⁴. В рассмотренных сатирах 1,5 и 1,7 агон — лишь средство художественного эффекта, но, по существу, этот прием глубоко созвучен внутреннему состоянию Горация, все сатирическое творчество которого пронизывает присущий поэту творческий дух состязательности, главным образом с его великим предшественником, римским сатириком Гаем Луцилием.

Указывая на Луцилия как на образец («Сатиры», 1,10,48—49; 2,1,74—75), Гораций является по сути дела его соперником, а не подражателем и поэтому в своих сатирах на литературные темы (1,4; 1,10; 2,1) отмечает не столько точки соприкосновения с ним, сколько то, в чем он сам признает себя далеким от Луцилия, прежде всего в стремлении придать жанру художественную выразительность.⁵ Не случайно сатира, в которой поэт вспоминает о друзьях и совместной поездке в Брундизий, расположена в первой книге сразу после четвертой сатиры, в которой Гораций порицает небрежный стиль сатир Луцилия (стихи 11—12). Как сообщает комментатор Горация Порфирион, в пятой сатире поэт соперничает с Луцилием (*Lucilio hac satyram aemulatur Horatius*), который в третьей книге «Сатир» дает описание своего путешествия в Сицилию, вызвавшее много подражаний в римской поэзии. Свой рассказ Гораций излагает с большим искусством, показывая, как мало значит сам материал и как много зависит от формы изложения.

Состязательность является культурным импульсом, определяющим всю творческую биографию Горация, в каких бы жанрах он ни работал. Так, в период с 40-х по 30-е

годы одновременно с сатирами Гораций пишет эподы, образцом для которых ему послужили ямбы греческого поэта Архилоха, жившего в первой половине VII века. Однако римский поэт значительно преобразовал древний жанр; впоследствии он отметил это в «Посланиях» (1,19,24—25).

Сатира относится к повествовательной литературе миметического типа. Объектом ее изображения является контрастирующая с идеалом реальная действительность автора. В отличие от историка, сатирика интересуют не столько факты, события и яркие личности, сколько окружающая его обстановка и типичные представители современного ему общества.⁶ Воспроизведение жизни (мимесис) характерно в первую очередь для зрелищных форм искусства, бытописательной комедии, мима. Миметическое искусство комедиографа и сатирика, в специфических формах отображающих повседневную жизнь своих современников, предполагает сильно развитый игровой элемент. Не случайно Гораций оценивает свою поэтическую деятельность как *ludus*, используя слово, имеющее целый спектр разных значений. Для Горация, автора сатир, *ludere* в литературном значении не только сочинительство для забавы себе и другим («Сатиры», 1,4,138—139; 1,10,37; ср.: «Послания», 2,2,141—144), это еще и сознательное конструирование комического.⁷ Играм присущ, как правило, дух соревнования, однако, пишет Гораций, игры нередко превращаются в нездоровое соперничество и становятся причиной раздора («Послания», 1,19,48—49).

Как показал в своей книге «*Homo ludens*» Йохан Хейзинга, вся жизнь древних была исполнена духом агонистики, соперничества, агон же несет в себе все формальные признаки игры.⁸ Сатира — это жанр агонистический по самой своей сущности, потому что в сатире ведется постоянный спор между добром и злом, идеалом и действительностью, нравственной нормой и пороком, личным и общественным, прошлым и настоящим и т.д. Уникальность сатир Горация состоит в том, что в этом вечном споре противоположных начал внимание слушателей и читателей поэт фиксирует исключительно на собственной персоне. Внося в жанр автобиографическую и исповедальную струю,

он с такой искренностью и доверительностью рассказывает о себе, открывает самые сокровенные глубины своей души, что достигает в своей сатирической поэзии той счастливой гармонии, равновесия и меры, благодаря которым все внешние противоречия в его стихах чудесным образом сглаживаются и примиряются. Таково удивительное свойство гораціанского искусства.

Можно сказать, что уже в «Сатирах», с которых началась поэтическая карьера Горация, он вплотную приблизился к идеалу человечности и образованности, который римляне определяли словом «*humanitas*».

Дух непрекращающегося состязания, господствовавший в эллинской культуре, и проявляющееся вне сферы материальной пользы агональное начало, присущее, по мнению ряда ученых, только грекам,⁹ в меньшей степени свойственно и римской цивилизации.¹⁰ Яркий тому пример — Гораций и его поэзия. Фактор состязательности в становлении римской литературы трудно переоценить. Чем, как не «агональным устремлением»,¹¹ можно объяснить неистребимое желание римских поэтов и прозаиков сначала сравняться с достижениями греческой литературы, а затем и превзойти их?

Римские поэты не столько подражают греческим авторам, сколько вступают в соревнование с ними, возрождая лучшие достижения греческой словесности на совершенно новой основе. Исключительно благоприятная в творческом отношении ситуация складывается в эпоху правления Августа. В это время с необычайной интенсивностью происходит эллинизация римской культуры, точнее завершение этого процесса, начавшегося еще при Сципионах. Еще сравнительно недавно к поэзии относились свысока, теперь под влиянием греческой образованности в ней видят источник славы для поэта и его родины. Гораций с гордостью предсказывает в «Одах» свое литературное бессмертие. И что бы он ни говорил о превосходстве греческой литературы над римской, лично себя он не чувствует в роли ученика и свой поэтический диалог с греками ведет как равный с равными.

Сходную позицию занимает Вергилий, который, стремясь противопоставить римский эпос греческому, состязается с самим Гомером и достигает блестящих результатов. Если Энний был для римлян всего лишь «вторым Гомером» (*alter Homerus*), то Вергилий становится для них уже «римским Гомером», как Проперций — «римским Каллимахом». Для августовской эпохи характерно стремление не столько усвоить и сохранить, сколько превзойти культурные достижения греков. Готовность соперничать с греками, присущая римлянам изначально и отчетливо обнаружившаяся при Августе, ярко проявилась в наиболее зрелом создании Горация — «Одах», в которых римский поэт открыто вступает в соревнование со своими предшественниками — раннегреческими поэтами Архилохом, Алкеем, Сапфо, а затем Пиндаром.

Правда, дух состязательности и агонистика в римских условиях проявились весьма нетипично. Агонистика вышла за пределы прямого контакта соперничающих сторон и осуществлялась в высшей степени своеобразно как соревнование одной национальной культуры с другой, причем отдаленной по времени и уже сделавшейся достоянием веков. Соперниками римских поэтов были не отдельные личности, авторы художественных произведений, а их творчество и культура, питавшая его. Римская литература, ставшая конкурентоспособной уже при Сципионах (иначе Гораций не назвал бы своим образцом в «Сатирах» соотечественника Луцилия), вступает в полосу своего расцвета при Августе, чтобы в следующем веке освободиться от греческого влияния и ориентироваться уже не на греческие, а на отечественные римские модели, получившие статус классических.¹² Среди них видное место займут произведения Горация.

Если у греков мусический агон имел место на общенародных праздниках, и на состязаниях драматических поэтов присутствовали чуть ли не все граждане полиса, то в римских условиях поэтический агон первоначально носил камерный характер, не выходя за пределы литературных кружков. Но вот рецитации, введенные Азинием Поллионом, которые наверняка выливались в литературное соперничество поэтов,

знакомящих аудиторию слушателей со своими еще не изданными произведениями, приобретали уже публичный характер.

При императорах литературные агоны получают официальный статус государственных. Известно, например, что еще Калигула собрал отовсюду специалистов в греческом и латинском красноречии и заставил их состязаться между собой.¹³ В деятельности его преемника Нерона просматривается явное стремление гуманизировать римское общество приобщением его к греческим нормам жизни.¹⁴ Влюбленный в греческую культуру и испытывающий непреодолимое отвращение к войнам и гладиаторским сражениям, Нерон, где только мог, заменил гладиаторские бои состязаниями по греческому образцу в пении, игре на музыкальных инструментах, танцах, декламации стихов. В 59 году он учредил игры, в которых выступали не профессиональные актеры, а любители. В 60 году в связи с пятилетней годовщиной своего вступления на престол Нерон объявил новые игры, которые назвал Нерониями, установив справлять их раз в пятилетие. Неронии включали в себя состязания музыкантов, атлетов, возниц, а также поэтов и ораторов. Соревнования ораторов и поэтов часто устраивал император Домициан. Он учредил, в частности, пятилетнее состязание в честь Юпитера Капитолийского: здесь, помимо прочего, соревновались в речах по-латыни и по-гречески и выступали кифареды и кифаристы.¹⁵

В поэтических состязаниях не раз принимал участие поэт Публий Папиний Стаций, автор «Фиваиды» и «Лесов». Об этом он сообщает в своих произведениях. Впервые он выступил в соревновании поэтов в Неаполе, где были устроены игры в честь Августа, и был удостоен награды. В поэтическом состязании, учрежденном Домицианом в Альбе, Стаций также одержал победу и получил из рук императора венки и денежное вознаграждение. Но на Капитолийском литературном турнире в 94 году Стаций остался без награды и, огорченный поражением, принял решение удалиться в Неаполь.

В эпоху империи литературные агоны находятся под контролем самого императора и утрачивают то подлинно творческое соперничество с греками, которое одухотворяло римскую культуру в эпоху республики и при Августе, когда писал оды Гораций, соединивший в своем творчестве стихийное агональное начало греков и рациональный дух соревновательности, присущий римлянам.

Как мы видим, Гораций занимает едва ли не центральное место в римской культуре. Его творчество, как и творчество плеяды августовских писателей, знаменует тот исторический рубеж, после которого латинская художественная словесность теряет свой эллинистический облик и приобретает все характерные черты литературного искусства. То, что для Горация было «игрой» (*ludus*), отныне становится ремеслом и «серьезным» делом. Устное слово вытесняется словом письменным, и в рамках античной цивилизации начинает оформляться литература в современном ее понимании. Прежде художественная словесность римлян была крепка своей корневой системой, питающейся соками многовековой греческой культуры, теперь пышно расцветает экспериментаторство, словесное виртуозничанье, маньеризм, т.е. все то, что нам хорошо известно в литературах нового времени.

Примечания

- ¹ Ср.: *Hom. Od.* 1,1; II,2,484; *Verg. Aen.* 1,8.
- ² *Buchheit V.* Homerparodie und Literaturkritik in Horazens Satiren 1,7 und 1,9 // *Gymnasium.* 1968. Bd 75. S.519—555; *Schröter R.* Horazens Sat. 1,7 und die antike Eposparodie // *Poetica.* 1967. Bd 1. S.8—23.
- ³ *Зайцев А. И.* Культурный переворот в Древней Греции VIII—V вв. до н.э. Л., 1985. С.149 и сл.
- ⁴ *Дуров В. С.* Римская сатира и комедия // *Вестн. Ленингр. ун-та.* 1986. Сер.2. Вып.1. С.52—57.
- ⁵ *Дуров В. С.* Жанр сатиры в римской литературе. Л., 1987. С.61—68.
- ⁶ *Gentili V., Stupazzini L., Simonetti M.* Storia della letteratura latina. Roma; Bari, 1988. P.416—417.
- ⁷ *Дуров В. С.* Гораций: поэт и человек (к вопросу о поэтической лексике) // *Вестн. С.-Петербург. ун-та.* 1992. Сер.2. Вып.4. С.61—68.
- ⁸ *Хейзинга Й.* *Homo ludens.* М., 1992.
- ⁹ *Burckhardt J.* Griechische kulturgeschichte: 3.Aufl. Berlin; Stuttgart, 1898; *Ehrenberg V.* Ost und West. Studien zur geschichtlichen Problematik

der Antike. Brunn, 1935; *Schaefer H.* Staatsform und Politik. Untersuchungen zur griechischen Geschichte des 6. und 5. Jahrhunderts. Leipzig, 1932.

¹⁰ *Хейзинга Й.* *Homo ludens.* С.197—202.

¹¹ По терминологии *А. И. Зайцева*; см.: *Зайцев А. И.* Культурный переворот в Древней Греции VIII—V вв. С.128.

¹² Об этом пишет, например, *М. Л. Гаспаров*; см.: *История всемирной литературы.* Т.1. М., 1983. С.469.

¹³ *Suet. Calig.,* 20.

¹⁴ *Дуров В. С.* *Нерон, или Актер на троне.* СПб., 1984.

¹⁵ *Suet. Domit.,* 4,4.